

Раздел V

ИЗМЕНЕНИЯ ТРУДОВЫХ УСТАНОВОК. УЛУЧШЕНИЯ, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ ОБЩИХ УХУДШЕНИЙ

Очерк 10

Начатки реализма и свободы в повседневной трудовой жизни

До сих пор речь шла о противоречивости перемен, происходящих на рынке труда, расположенном вне предприятия, так сказать, «перед проходной», т. е. главным образом об изменениях на «входах» и «выходах» трудовой активности, в процессах трудоустройства, получения и потери работы. Противоречивость эта с еще большей силой выступает непосредственно в изменении трудовой активности и многообразных условий труда. Здесь, внутри предприятий и фирм, помимо сдвигов, где «хорошие» и «плохие» последствия переплетены друг с другом (подобно тому, что характерно для движения занятости и безработицы), разворачиваются также очевидные улучшения и ухудшения, меняющие положение работников в какую-то одну, преимущественно «хорошую» или преимущественно «плохую» сторону. Так что полная картина разнонаправленных перемен в сфере труда выявляется именно «за проходной», в анализе положения работников непосредственно на действующих предприятиях.

Правда, определенная часть этой картины, касающаяся многих из тех сдвигов в сфере труда, последствия которых как раз имеют не смешанный, но преимущественно однонаправленный, улучшающий либо ухудшающий характер, уже затрагивалась в первом томе монографии. Более того, там описаны самые главные улучшения в производственном положении работников, происшедшие с конца 80-х гг. — появление ростков свободы и начатков демократии в трудовых отношениях, развитие профсоюзов, складывание первичных условий социального партнерства и социального диалога. Несмотря на то, что в первом томе соответствующие процессы анализируются, главным образом, в качестве предпосылок иных перемен, все же состояние рабочего движения, социально-трудовых отношений, степень солидаризации рабочей среды характеризуются там также и сами по себе, давая, можно надеяться,

сравнительно полное представление об улучшении связанных с ними сторон трудовой жизни. В очерках, посвященных трудовой сфере, нет поэтому нужды повторять характеристику того, что уже было детально разобрано раньше. Достаточно напомнить о таком разборе, подчеркнув, что только совокупность обеих частей книги полностью выражает содержащуюся в ней оценку перемен в производственном положении трудящихся. При этом, поскольку важнейшие из «хороших» сдвигов в сфере труда уже затронуты выше, непосредственно в настоящем и последующих очерках будут рассматриваться преимущественно смешанные или преимущественно «плохие», деструктивные изменения современной социально-производственной ситуации.

10.1. Преодоление иллюзий.

Утверждение трезвого отношения к труду

Применительно к положению человека на производстве благотворное влияние свободы прежде всего и полнее всего проявляется в трудовых отношениях, в возможностях работников организовываться и коллективно отстаивать свои интересы. Именно об этом воздействии говорилось выше. Однако в той или иной степени рост свободы сразу же сказывается и на других сторонах трудовой деятельности, на ее содержании и организации. В 90-е гг. такое воздействие в России было очень слабым. Но оно присутствовало, и должно быть отмечено, тем более, что в будущем роль этого обстоятельства может существенно возрасти.

Тут, понятно, не стоит поддаваться преувеличениям и утопическим иллюзиям. Даже полное утверждение фундаментальных политических и экономических свобод отнюдь не превращает труд большинства работников в свободную творческую деятельность, не устраняет его отчужденного, внешне-навязываемого характера по отношению к рядовому труженику. В современном мире, в том числе в его развитом демократическом секторе, подавляющая часть работников трудится, в первую очередь, ради заработка, получения средств существования. Нечего и говорить, что отход от госсocialизма в России и появившиеся у нас элементы свободы не ведут к преодолению отчужденности труда.

Но формирование более свободной общественной атмосферы в России 90-х гг., устранив давление идеологической и пропагандистской монополии, позволило и руководителям производства, и большинству работников более трезво отнестись к собственному труду, реалистичнее, яснее оценить свое положение на производстве.

В советские времена это идеологическое давление (усиливаемое присутствием угрозы административно-карательных воздействий) приводило к тому, что лишь меньшинство работников публично соглаша-

лось с тем, что они работают главным образом ради заработка; большинство же — отчасти искренне, отчасти лукаво — выдвигали на первый план самооценку труда, его общественную важность, интересность работы и т. п. Репрезентативные обследования ВЦИОМ показывают, что даже на излете советской эпохи — в 1989 г. — с суждением о том, что большинство людей работает прежде всего ради заработка, соглашалась лишь 1/4 занятого населения; гораздо большая доля — чуть ли не 2/3 говорили о важности и интересности самой работы (см. табл. 10.1).

Уроки житейской практики, понятные любому здравому человеку, жившему в Советском Союзе того времени, как и обобщения этой практики в исследованиях даже тех лет, не оставляют сомнения в том, что реальное соотношение факторов, определявших действительное поведение советских людей (во всяком случае, в 70-80-е гг.), было скорее обратным. По крайней мере, один из руководителей общесоюзного обследования образа жизни, проведенного в конце 70-х - начале 80-х гг., специально отмечает, что важным итогом этого обследования явился вывод о незаинтересованности «подавляющего большинства советских людей в своей работе вследствие того, что они не видели связи между интенсивностью и качеством своего труда, с одной стороны, и заработком — с другой»¹. Этот вывод подтверждается анализом трудовой мобильности, фактической перемены рабочих мест, которые с очевидностью свидетельствуют, что направление трудовых потоков в советские времена (как и теперь) больше всего зависело от сравнительного уровня заработков. Недаром в ряду средств, использовавшихся для концентрации трудовых ресурсов и лучших кадров в точках и секторах, считавшихся приоритетными, решающую роль играло материальное стимулирование, далеко превосходя в этом отношении идеологические (вообще идеальные) и административно-силовые воздействия. Так что, демонстрируемое опросами советских лет преобладание высказываний о самооценке важности работы над высказываниями о роли заработка свидетельствует не столько о распространении свободно-творческого труда в условиях государственного социализма, сколько о господстве инстинктивного, зачастую почти искреннего, «двомыслия-двоесловия» в массовой психологии того времени², равно как и о стремлении уклониться от прямого ответа. Характерно, что больше половины опрошенных в 1989 г. присоединилось к очень многозначному суждению, в котором говорилось о важности и работы, и других жизненных обстоятельств³.

В данной связи как раз и следует оценивать тенденции, проявившиеся в аналогичных опросах ВЦИОМ, проведенных в 1991-2000 гг. В 90-е гг. резко возросла и составила отчетливое большинство (почти 2/3) та часть работающего населения России, которая открыто согла-

шается, что заработок составляет главное, от чего зависит отношение к той или иной конкретной работе. Причем сдвиг этот произошел не за счет тех 10-15 % работников, кто занят творческим трудом и для кого труд действительно представляет наивысший интерес (их доля практически не изменилась). Реально уменьшилось число и удельный вес работников, в прошлом предпочитавших неопределенные высказывания о самооценности труда наряду с другими сторонами жизни и с помощью таких формул уходивших от идеологически неодобряемого признания решающей роли заработков⁴.

При этом стоит обратить внимание на резкость сдвига в соотношении ответов, касающихся трудовых ценностей. Как видно из данных табл. 10.1, основная перемена произошла в течение одного-двух лет между 1989-1991 гг. Знаменательно, что сравнительное международное исследование 1990-1991 гг. также показало, что в России, как и в других странах, ценность высокого заработка по частоте упоминаний опережает все остальные ценности, связанные с работой⁵. Трудно поверить, что за столь ограниченные сроки могло произойти коренное изменение структуры трудовых ценностей. Напротив, объяснение быстрого возникновения новых пропорций в ответах о ценностях тем обстоятельством, что исчезло идеологическое давление и расширились возможности свободного самовыражения, представляется вполне естественным. Тем более, что на рубеже 80-90-х гг. свобода расширялась у нас действительно скачкообразным темпом. Иными словами, суть перемен в оценках труда десятками миллионов людей заключается в вызванном прекращением идеологического доминирования и расширением свободы ослаблением всеобщего лицемерия, столь свойственного госсocialистическому массовому сознанию.

Реалистичность нынешних оценок труда, отражающих распространение его творческих и нетворческих, свободных и вынужденных, навязываемых обстоятельствами форм, подтверждают и различия этих оценок по разным категориям опрошенных. В составе социально-профессиональных групп, занятых умственным и организационным трудом (работники с высшим образованием, руководители, специалисты) и объективно чаще вовлеченных в свободно-творческую деятельность, число работников, считающих свою работу высшей ценностью или хотя бы одной из самооценностей жизни, гораздо больше, чем в среднем. Здесь доли тех, кто говорит о самооценности труда и о труде как источнике заработка, более или менее близки друг другу — примерно 45 и 50 %. В то же время даже среди квалифицированных рабочих, занятых физическим трудом, частота высказываний, связанных с признанием самоценного интереса к работе в 4—5 раз уступает частоте упоминаний о роли заработков (15-20% против 75%), среди неквали-

фицированных — в 8-9 раз (округленно 8 % против 70 %)⁶. Вряд ли нужно подробно доказывать, что именно таких отклонений от средних показателей творческого и нетворческого труда, самооценного и инструментального отношения к нему как раз и следует ожидать в массовом сознании работников современного индустриального производства*.

Таблица 10.1

Распространенность суждений, характеризующих отношение к труду работающего населения СССР и России*

Время опроса и категории опрашиваемых	Доля опрошенных, согласных со следующими суждениями (в % ко всем опрошенным в данном году или в данной категории)**				
	Отношение к труду как одной из высших ценностей	Отношение к труду как к ценности, хотя и не высшего порядка	Инструментальное отношение к труду	Отношение к труду как тяготе, антиценности	Нет определенного мнения
Все опрошенные в					
1989 г.	15	54	25	6	...
1991 г.	12	31	48	9	...
1993 г.	12	23	47	10	8
1994 г.	14	12	65	4	5
1995 г.	14	20	57	5	4
1996 г.	10	16	64	6	5
1997 г.	12	17	61	5	5
1998 г.	10	12	66	6	7
1999 г.	10	10	71	2	7
2000 г.	14	12	68	2	4
Из всех опрошенных в ноябре 1997 г. в зависимости от:					
1) тендерной принадлежности					
— муж.	11	13	68	4	4
— жен.	13	20	55	7	5
2) возраста:					
— моложе 30 лет	8	20	62	7	3
— 30-49 лет	12	19	61	3	5
— 50 лет и старше	15	8	60	11	6
3) образования					
— высшее	20	23	51	2	4
— среднее	10	17	63	5	5
— ниже среднего	8	10	68	9	5

* На логичную и легко объяснимую структуру данных, свидетельствующих о преобладании ориентации на заработок стоит обратить внимание еще и потому, что в некоторых

Продолжение таблицы 10.1

Время опроса и категории опрашиваемых	Доля опрошенных, согласных со следующими суждениями (в % ко всем опрошенным в данном году или в данной категории)"				
	Отношение к труду как одной из высших ценностей	Отношение к труду как к ценности, хотя и не высшего порядка	Инструментальное отношение к труду	Отношение к труду как тяготе, антиценности	Нет определенного мнения
4) социально-квалификационной принадлежности					
— руководители	35	23	37	—	6
— специалисты	22	12	56	1	8
— квалифицированные рабочие	12	8	75	1	4
— неквалифицированные рабочие	10	10	69	3	8

* 1989, 1991 гг. - СССР; 1993-1997 и 2000 г. - Россия; 1998-1999 гг. - промышленность России.

** В основе данной классификации лежит распределение ответов на вопрос «Какое из следующих суждений о том, что значит для человека работа, более всего подходит лично Вам?». Эти суждения: «работа важна и интересна сама по себе, независимо от оплаты»; «работа — дело важное, но есть вещи, занимающие меня гораздо больше, чем работа»; «работа — это для меня в основном источник получения средств к существованию; чем лучше платят, тем больше делаю»; «работа для меня — неприятная обязанность; если бы я мог(ла), я бы вообще не работал(а)».

Источники: Куприянова З. Трудовая мотивация российских работников //

Мониторинг общественного мнения. 1998. № 2. С. 31; Там же. С. 75, 78; Куприянова З.

Промышленные предприятия в преддверии устойчивого экономического роста //

Там же. 1999. №6. С. 40; Мониторинг общественного мнения. 2000. №5. С. 79.

Как видно, исчезновение моноидеологического господства и расширение идейно-политической свободы, хоть оно и не изменило (и не могло изменить) характера труда, способствовало устранению множества иллюзий массового сознания и привело его в большее соответствие действительности, нежели то было в советские времена. Подобный сдвиг непросто оценить с точки зрения его конечного воздействия на положение работников. Во-первых, потому, что оценка

работ, в частности, в работах, построенных на мониторинговых материалах Российского независимого института социальных и национальных проблем, утверждается, что в рамках альтернативного выбора в 90-е гг. сохранялось преобладание тех, кто ценит интересность труда выше заработка. Большая логичность соотношений иного порядка, равно как большее число обследований, говорящих о распространении ценностей заработка дают основание думать о случайном характере этих цифр в мониторингах РНИС и НИ. К тому же в локальных обследованиях РНИС и НП первостепенная ориентация на заработка проявляется вполне отчетливо⁷.

таких психологических перемен в очень большой мере (большей, чем если речь идет о чисто материальных сдвигах) зависит от убеждений и идеалов «ценителя», от того, что он считает хорошим или плохим, полезным или вредным. Во-вторых, вследствие того, что в любом конкретном изменении условий жизни народного большинства в современной России, даже там, где преобладают позитивные начала, все-таки отчасти присутствует сплетение и «хороших», и «плохих» тенденций, проявляются и улучшения и ухудшения, и ростки прогресса и элементы деградации.

Конкретно демократизация идейно-политической атмосферы и вызванное ею освобождение массового сознания работников от иллюзорных и внутренне-противоречивых («двоемысленных») представлений о характере их собственного труда отчасти отягощает их положение. В советском массовом сознании преобладающее стремление найти лучше оплачиваемую работу, готовность во множестве случаев ради этого отказаться от более творческих занятий уживались с довольно широким распространением поверхностно-стереотипных мнений, иной раз даже убеждений, что советские люди работают, прежде всего исходя из понимания важности своего труда и своего общественного долга, вследствие творческого отношения к труду и т. п. У меньшинства такая мотивация труда бывала реальной, у большинства же она выражала сознательный обман и бессознательную иллюзию. Тем не менее подобное иллюзорное отношение в определенном смысле смягчало трудности жизни, делало существование более спокойным и комфортным. Устранение этой иллюзии способствует росту напряженности и беспокойства в обществе, обостряет ощущение тяжести жизни, затрудняет осознание ее смысла и внутренней оправданности человеческого существования.

Но, вместе с тем, отказ от иллюзий, возобладание трезвости и реализма в восприятии действительности составляют необходимую предпосылку освобождения человека, формирования свободной личности и личного достоинства. В моменты житейских трудностей утверждения о важности осознания реальности, в том числе реального труда, такой, какая она есть, могут показаться (и на самом деле кажутся множеству людей) высокопарным лицемерием. Но иного пути к тому, что, по пушкинскому выражению, образует «самостоянье человека, залог величия его», просто нет. Ни для десятков миллионов работников массовых профессий, поддерживающих фундамент жизни, ни для выходящих из ряда творцов уникальных ценностей.

Впрочем, возвращаясь к социально-экономическим реалиям положения народного большинства, стоит заметить, что от трезвости восприятия своего места на производстве, от реалистичности осознания связанных с ним возможностей (и невозможностей) в немалой степени

зависит практическая активность работников и в труде, и в трудовых отношениях. А значит, и степень реализации их интересов, равно как интересов трудовых коллективов, и более широких социально-профессиональных групп.

Что считать более существенным — потерю смягчающих иллюзий, которые, как алкоголь либо наркотик, облегчают боль, или сухую, холодную ясность и возможность видеть реальную жизнь — зависит, повторим, от исходных ценностей. По нашему убеждению, приближение к реальному восприятию действительности стоит любых иллюзий. С этой точки зрения отрезвляющее воздействие идейно-политической свободы на оценку большинством работников своего труда и места в производственном процессе есть сдвиг, в котором преобладает «хорошая» тенденция, вносящая дополнительные элементы прайды в жизнь народного большинства.

10.2. Новые возможности инициативы. Ослабление чрезмерной регламентации

Хотя индустриально-организованный труд в основной своей части не становится свободным вследствие утверждения общественно-политических свобод и потому их воздействие на характер трудовой деятельности ощущается лишь косвенно, через прояснение массового сознания, в современных производственных системах есть элементы, сектора, стороны, где демократизация общественной атмосферы сказывается прямым и непосредственным образом. В организациях индустриального типа (в какой бы отрасли они ни действовали), вообще в современном народном хозяйстве большинство работников подчинено жесткой дисциплине и единообразному регулированию; их работа планируется, управляется, контролируется иерархической вертикалью линейных руководителей. Тем не менее дисциплина современного производства не обязательно должна быть подавляющей, совершенно исключаящей самодеятельное начало. Как и всякая живая действительность, она сочетается с определенной долей инициативы и свободной активности работников. Доля эта, а значит и положение трудящихся на производстве, в зависимости от многообразных обстоятельств, может быть очень неодинаковой. В государственно-социалистической экономике, с ее всеобщим огосударствлением и централизованным командно-директивным планированием, возможности проявления производственной инициативы, творчества, самодеятельности были крайне ограничены. В последние десятилетия советской власти чрезмерная «зарегулированность» труда воспринималась массовым сознанием в качестве одного из пороков нашей экономики. Преобразование ее в 90-е гг., в том

числе демократизация общественной атмосферы, утверждение основ политической свободы и частного предпринимательства, ослабили эту чрезмерную «зарегулированность» и тем самым создали предпосылки для развязывания инициативы, предприимчивости, активности участников экономической жизни.

Впрочем, применительно к анализу перемен в положении народного большинства, решающее значение имеют не предпосылки сами по себе, но тот факт, что сдвиги, происшедшие в середине и во второй половине 90-х гг., реально привели к тому, что расширение возможностей для развития инициативы в труде ощутили очень значительные группы работников. Ежегодные обследования ВЦИОМ 1994-1997 гг., репрезентативные для работающего населения страны, показали, что свыше 1/3 опрошенных (34-35 %) согласны, что в современной России стало больше возможностей для проявления инициативы в работе (см. табл. 10.2). Правда, в 1996-1997 гг. такая же доля трудящихся (соответственно, 39-40 и 34-35 %) думала иначе (прочие затруднились ответить). Но в любом случае, появление в первые же годы реформ трети работников, чувствующих рост возможностей инициативы, свидетельствует о существенном расширении начал свободы в труде. Да и уменьшение числа тех, кто не видит подобного роста, достаточно многозначительно.

Логично полагать, что в наиболее полной мере тенденции к освобождению от гнета зарегулированности и централизации почувствовали частные предприниматели и индивидуальные работники, ставшие хозяевами собственного бизнеса. При всей ограниченности независимого хозяйствования в современном производстве, с рождением частных собственников в России появился относительно широкий слой самостоятельных предпринимателей и работников — 5-10 % занятого населения* — получивший возможность распоряжаться своим трудом гораздо более свободно, чем на государственных предприятиях советского времени. Знаменательно, что в частном секторе людей, которые видят расширение поля инициативы на производстве, сегодня гораздо больше, чем в среднем по стране. Более того, внутри частного сектора

* Наиболее надежные материалы государственной статистики, полученные в ходе специальных обследований занятости, говорят о 4-5 % работающих не по найму (работодатели, самостоятельные работники и т. п.) в составе занятого населения 1997-1998 гг.⁵ Однако эти обследования, как отмечалось выше, явно не охватывают определенные группы занятых, в том числе как раз определенную долю самостоятельно занятых. С этой точки зрения, доценка общего числа ненаемных работников органами госстатистики, согласно которой в 1995-1996 гг. их число достигало 10-11 % занятых⁹, дает, как представляется, если и не строго точные показатели, то вполне реалистичные характеристики порядка величин.

Таблица 10.2

Распространенность ощущения роста возможностей инициативы на производстве

Время обследований и категории опрошенных	Доля согласных и несогласных с мнением, что сейчас стало больше возможностей для проявления инициативы на работе (в % ко всем опрошенным в данном обследовании или данной категории)		
	согласны	не согласны	не ответили, не имеют определенного мнения
Все опрошенные в:	34	39	27
— апреле 1994			
— январе 1995	34	41	25
— мае 1996	35	34	31
— ноябре 1997	35	35	30
Среди всех опрошенных в ноябре 1997 г. в зависимости от:	36	37	27
1) тендерной принадлежности			
— муж.			
— жен.	34	34	32
2) возраста:	45	26	29
— моложе 30 лет			
— 30-49 лет	33	38	29
— 50 лет и старше	30	38	22
3) образования:	44	39	17
— высшее			
— среднее	35	37	27
— ниже среднего	27	27	46
4) социально-квалификационной принадлежности:	42	33	25
— руководители			
— специалисты	44	35	21
— квалифицированные рабочие	29	34	37
— неквалифицированные рабочие	30	30	40
5) социально-экономической природы предприятия или учреждения	34	39	27
— государственное			
— полугосударственное	31	34	35
— приватизированное, частное	40	28	32

Источники: Экономические и социальные перемены. М., 1995. №5. С. 85, 91; 1996. № 4. С. 84, 88, 92; Мониторинг общественного мнения. 1998. № 2. С.77, 79.

доля ощущающих рост возможностей проявления инициативы превосходит тех, кто не замечает этого: в 1996-1997 гг. 40-42 % против 28 %¹⁰.

Однако из приведенных выше цифр вытекает также, что в последние годы нарастание условий для проявления инициативы в труде признают также большие группы наемных работников. В конце концов, все самостоятельные ненаемные субъекты составляют максимум около десятой доли активного населения, тогда как рост инициативы отмечают свыше трети его. Иначе говоря, около 30 % наемных работников, судя по опросам 90-х гг., также испытывают благотворные последствия смягчения чрезмерной регламентации трудовой деятельности.

Благоприятные условия для инициативы особенно часто замечают те люди наемного труда, в работе которых сильнее элементы творчества и умственной активности. Среди руководителей, специалистов, вообще работников, имеющих высшее образование, ощущающие новые возможности инициативы, составляют несомненное большинство (хотя и относительное). Считая округленно, в этих категориях согласны с утверждением о росте инициативы примерно 40-45 % опрошенных, тогда как не согласны только 30—40 %. Расширение самостоятельности и инициативы в работе улучшает производственную жизнь людей умственного и организаторского наемного труда столь же заметно, как и у людей, ставших хозяевами собственного дела". Вряд ли стоит удивляться тому, что расширение начал свободы и инициативы в труде слабее и реже замечают рядовые рабочие, особенно занятые на крупных предприятиях, в конвейерном производстве и т. п. Задаваемая технологией авторитарно однообразная организация труда сказывается здесь очень сильно. Поэтому о расширении инициативы говорят лишь около 30 % рабочих, а то и меньше, отрицают же такое расширение 30-35 %¹². То есть, пропорции тут прямо противоположны тем, что характерны для специалистов и руководителей. Впрочем, тот факт, что свыше четверти рядовых индустриальных рабочих, чей труд по своей природе жестко подчинен технологической дисциплине, уже в первые годы преобразований почувствовали возможности инициативы, этот факт показывает, что более свободная общественная атмосфера все-таки подействовала и на их положение в производстве.

Еще яснее всеобщий характер положительных последствий устранения чрезмерной регламентации производства подтверждает сравнительно широкое распространение ощущений больших возможностей самостоятельного и инициативного труда у молодежи в целом, независимо от социально-профессиональной принадлежности тех или иных молодых работников. Среди опрошенных моложе 30 лет такое же или даже более ярко выраженное преобладание людей, отмечающих рост инициативы, как и среди специалистов или руководителей: 40-45 %

против 25-30% работников средних и старших возрастов¹³. Конечно, отчасти здесь действует связь образования и возраста. Известно, что в России в составе молодежи больше людей с высшим образованием, чем среди людей среднего и пожилого возраста. Но дополнительное число молодежи и хорошо образованных работников не настолько велико, чтобы одно лишь это обстоятельство обеспечило полное сходство соотношения ощущающих и не ощущающих нарастание инициативности в молодежной среде сравнительно с тем же соотношением в среде руководителей и специалистов (не говоря уже о превосходстве молодежных пропорций). Широкое восприятие молодежью возможностей инициативы и самостоятельности в труде есть результат ее собственного развития, связанного с более быстрой адаптацией к переменам и более полным усвоением ценностей свободы. Тут еще раз выступает одна из главных закономерностей послесоциалистического становления демократии и рыночной экономики — то обстоятельство, что потенциальные преимущества демократии и рынка раньше и лучше всего осознают социальные группы, которые, даже если они сейчас составляют меньшинство народа, определяют его будущее — молодежь, интеллигенция, наиболее квалифицированные работники, жители столиц, ведущих урбанистических и культурных центров. В этой закономерности — а сказывается она почти во всех переменам современной жизни — заключена главная, если не единственная, надежда на конечный успех современных рыночно-демократических преобразований.

Впрочем, в некоторых отношениях расширение элементов свободы в отдельных точках современной производственной организации затрагивает всех работников практически в равной степени. Например, ослабление бюрократических пут в сфере труда выражается, помимо всего прочего, в устранении запретов и препон, мешавших в прошлом вторичной занятости, совмещению работ, получению дополнительных заработков. Напомним, что дополнительные заработки имеет сейчас гораздо большая часть населения, нежели в 70-80-е гг.¹⁴ По данным различных обследований, упоминавшихся в предыдущих очерках, в середине и во второй половине 90-х гг. о них сообщало около 15-20% опрошенных в выборках, представляющих все взрослое население России, и примерно 10—20% работающих. С учетом частичного сокрытия, правильнее говорить о том, что еще большая часть экономически активного населения имеет дополнительные приработки, регулярно или от случая к случаю пополняющие их основной доход¹⁵.

Рост вторичных занятий показателен и в том отношении, что, выражая расширение свободы трудовой активности, он еще раз подчеркивает глубокую и неизбежную противоречивость любых, в том числе преимущественно позитивных сдвигов в условиях переходного кризиса. Мас-

совое распространение побочных заработков свидетельствует не только, и даже не столько о предприимчивости, сколько о деградации оплаты труда и нужде в дополнительных источниках дохода. Характерно, что в США и странах Западной Европы вторую работу имеет лишь 3-6 % занятых¹⁶. Причин и социальных последствий более широкого распространения вторичной работы в современной России мы подробнее коснемся ниже, разбирая движение заработков и доходов. Но, независимо от того, по каким причинам и с какими результатами российским работникам приходится искать дополнительные занятия, они сегодня могут делать это несравнимо свободнее, чем в советские времена.